

Марк Агатов

ИМИДЖмейкер

Марк Агатов

Имиджмейкер. Книга + кино

«Издательские решения»

Агатов М.

Имиджмейкер. Книга + кино / М. Агатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832322-5

Их пути никогда не пересекались. Депутаты парламента принимали законы и безнаказанно пилили бюджет. А конкретные пацаны обкладывали данью местных бизнесменов и регулярно пополняли почетный сектор городского кладбища. И так продолжалось бы вечно, если бы одному из бандитов не захотелось сменить малиновый пиджак на строгий костюм депутата. Идея эта понравилась не всем, и в Крыму началась настоящая война за депутатские привилегии с показательными расстрелами, взрывами и заказными убийствами. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-832322-5

© Агатов М.

© Издательские решения

Содержание

Золотая фикса	6
Охота на скрипку Страдивари	7
Базаров против Хуана Карлоса	10
Черный квадрат Малевича	12
Убить кандидата в депутаты	15
Телефонный разговор с колбасным «адмиралом»	17
Разговор о поэзии с дебилом Иваном	19
Отрава для французов	22
Компромат на мэра	26
Убить листовками	28
Разговор с фальшивым адмиралом	30
Подкуп. Бутылка водки за один голос избирателя	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Имиджмейкер Книга + кино

Марк Агатов

*ИМЕНА И ФАМИЛИИ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ
ИЗМЕНЕНЫ. ЛЮБЫЕ СОВПАДЕНИЯ – СЛУЧАЙНЫ! АВТОР.*

Редактор М. Ильин

Дизайнер обложки МАРК АГАТОВ

Фотограф МАРК АГАТОВ

© Марк Агатов, 2020

© МАРК АГАТОВ, дизайн обложки, 2020

© МАРК АГАТОВ, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4483-2322-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Золотая фикса

Семен Водкин влетел в курортный город Приморск на шестисотом «мерсе» и выглядел на все сто. Он сверкал золотой фиксой, был чисто выбрит. На нем был черный смокинг, белоснежная рубашка и лакированные концертные туфли. Подкатив с шиком к конторе местного рынка, Семен отпустил водителя и уверенной походкой прошел в кабинет директора – господина Базарова.

Вы еще не знакомы с Базаровым, господа? Это большое упущение с вашей стороны, потому что Базаров в Приморске был хозяином всех рынков. Ни один человек не мог торговать в городе без его высочайшего дозволения. Столетние старухи с жареными семечками, вечно пьяные рыбаки с дохлыми карасями, слесари-сантехники с ворованными кранами, прокладками, ржавыми вентилями – все платили Базарову. А иначе не могло и быть в курортной провинции, где по сей день, в ленинском сквере стоит памятник вождю мирового пролетариата, и по большим праздникам к его постаменту сотни горожан возлагают цветы.

Пятнадцать лет назад в дни революционных торжеств к этому памятнику носил цветы и партийный функционер Базаров. Он произносил здесь яркие речи, нацеливал и вдохновлял собравшихся на ратные подвиги во имя светлого будущего и окончательной победы социализма во всем мире. Сегодня же бывшего обкомовского секретаря было просто не узнать. Директор всех рынков сидел за длинным полированным столом, под государственным флагом Украины и портретом гаранта Конституции. На вид ему было лет сорок-пятьдесят. Двухметрового роста, широкий в плечах и животе, он напоминал внешне японского борца сумо.

– Я к Вам прямо из аэропорта, – начал Семен весьма внушительно. И, достав из бумажника визитку, на которой золотом было выбито всего три слова «Леонид Кравчук. Президент», продолжил. – Я был имиджмейкером самого гаранта. И учтите, меня приглашали не только на Банковую в столицу, но и в Москву на Старую площадь.

В этот момент по сценарию должна была последовать реплика господина Базарова, и он даже приоткрыл рот, чтобы произнести слова восхищения, но, запнувшись на первой же букве, униженно закивал.

«Мерзкий толстый боров», – подумал имиджмейкер и, выдержав театральную паузу, продолжил интимно:

– Я лично знаком с главой администрации президента России и... этой самой, Украины.

Базаров отметил про себя, что Семен Водкин наверняка «русский шовинист», который никак не может смириться с потерей Украины. Других причин «заикаться» на слове Украина он не нашел.

«Надо с ним ухо остро держать, – подумал Базаров. – Чтобы палку не перегнул в агитации, а то, не дай бог, дойдет до столицы, и тогда никакие выборы не помогут: схарчат за «москальское» прошлое бывшего секретаря обкома Коммунистической партии Советского Союза.

Базаров, в начале девяностых годов был секретарем по идеологии обкома партии и бескомпромиссно боролся со всякого рода националистами, бандеровцами и прочими фашистскими прихвостнями. А после «победы демократии», по совету своей супруги, публично сжег партийный билет, покался перед истинными патриотами и возглавил местный рынок, где проявил недюжинные вымогательские способности.

Охота на скрипку Страдивари

Появлению Семена Водкина в Крыму предшествовали долгие и сложные телефонные переговоры. Чтобы не тратить лишние деньги, Семен снял в Москве за три бутылки водки у спившегося мужичонки однокомнатную квартиру на улице Кубанской, подключился к телефону его соседа, который целыми днями пропадал в своем НИИ, и стал накручивать крымские номера. Из всех клиентов, а их было два десятка, он остановил свой выбор на директоре рынков с характерной для этой должности фамилией – Базаров, хозяйке центрального универсама Скоробогатой, производителе копчено-варенных колбас, буженины и окороков Ковбасе и директоре пиво-безалкогольного завода Непийпиво.

Последний собеседник Семену особенно понравился. По голосу чувствовалось, что человек он компанейский, пьющий, толстый и лысый. Звали господина Непийпиво – Артур Галимзянович. Московский мордодел тут же, навскидку, по телефону, предложил Артуру Галимзяновичу рекламный слоган: «Пейте пиво от Непийпиво!»

Пивному барону слоган не понравился, и он долго рассуждал в этой связи об истоках его необычной для Крыма фамилии, потом сделал небольшой экскурс в прошлое пивоваренной промышленности. А в заключение монолога подчеркнул торжественно и веско: «Непийпиво – исконно украинская фамилия, и нести ее нужно с гордо поднятой головой».

На что Семен тут же отвечал:

– А у меня фамилия исконно русская – Водкин, и она тоже к очень многому обязывает. Надеюсь, вы меня правильно поняли?

А как же ж, – радостно зацокал языком Непийпиво. – По секрету скажу, мы основной доход не от безалкогольной лабуды тут получаем, а от, как это помягче выразиться, от нее, родимой. Так что и ваша фамилия в нашем ассортименте присутствует в полном объеме.

Договорившись о встречах, заслуженный мошенник СССР Семен Водкин отправился на Курский вокзал за билетом. Для порядка покрутился у касс, поговорил с пассажирами и неожиданно передумал ехать в Крым. Дело в том, что у кассы №13 Семен Водкин засек элегантно одетого мужчину с дорогим кейсом из крокодиловой кожи. В правой руке он держал скрипку, вернее, футляр из орехового дерева с причудливыми узорами и вензелями.

«На Страдивари похоже, – мелькнуло в голове у отпетого мошенника. – Да ее ж толкнуть за миллион можно».

Скрипач брал билет до столицы Окраины в вагон «СВ».

– Поезд отходит через три часа, вагон тринадцатый, место тринадцатое, – прогнусавила кассирша в микрофон.

После ухода скрипача, растолкав пассажиров, к окошку протиснулся Семен Водкин.

– И мне до иноземной столицы, на сегодня, в тринадцатый вагон, – и, глянув на часы, добавил:

– На тринадцать часов.

– Одно место осталось, двенадцатое, – пробубнила кассирша и назвала цену.

Семен, вывернув свои карманы, с большим трудом наскреб нужную сумму, схватил билет и побежал в аптечный киоск.

– От давления, клофелина пачку, – подмигнув молодой провизорше, попросил Семен.

– А у нас есть от давления лекарства и получше, – тягуче произнесла женщина. – Новейшая разработка, вчера только из Нигерии прислали.

– Мне клофелин надо, а то, что нигерийцы прислали, то для негров, а я белый. Не видишь, что ли?

Женщина надула обиженно губки и небрежно бросила на прилавок упаковку клофелина. Перед самым отходом поезда Семен, нацепив бляху носильщика, подхватил тяжеленный чемо-

дан дородной крестьянки из Тернополя и так шустро понес его, что неповоротливая баба затерялась в одном из подземных переходов. Бросать чужой чемодан на перроне Семен посчитал верхом бестактности, занес его в свой вагон и быстро открыл. Кроме женской одежды, сменной обуви, изготовленной в Кривом Роге, тампаксов и дешевеньких духов он там обнаружил завернутый в целлофан килограммовый шмат сала, две головки лука и буханку окаменевшего за долгую дорогу «Монастырского» хлеба. А в аккуратно сложенных рейтузах – тугую пачку национальной валюты.

– Тысячи две будет, – мгновенно оценил Семен по весу пачку. – И все десятками, десятками. У них что там, крупнее банкнот нет в Тернополе? Кто ж деньги в чемодан прячет, голова садовая? Их в лифчик надо было сунуть, а не в рейтузы. Хотя такую пачку...

В этот момент в дверь осторожно постучали. Семен бросил деньги в чемодан и засунул его под столик.

– Открыто, входите, – как можно дружелюбнее произнес мошенник.

Дверь открылась, и в купе протиснулся скрипач с дипломатом и скрипкой. Следом за ним шел носильщик с двумя английскими чемоданами из настоящей, хорошо выделанной кожи. Скрипач дал носильщику десять баксов и, повернувшись к Семену, представился: «Лауреат международного конкурса имени Чайковского, заслуженный артист Окраины, Наливайко Иван Петрович».

– Какая встреча, – расплылся в улыбке Семен. – Наслышан, наслышан, а вот лично не доводилось видеть. Моя фамилия Шереметьев. Действительный член дворянского собрания Санкт-Петербурга. Надеюсь, о графе Шереметьеве напоминать не надо.

– Знаю, конечно, знаю, – обрадовался скрипач. – В честь него ж в Москве еще и аэропорт назвали – Шереметьево—2. Я оттуда в Австрию на гастроли летал.

Последующие два часа попутчики упражнялись в остроумии, вспоминали занимательные случаи из личной жизни и анекдоты, рассказанные клоуном Никулиным и армянским радио. От спиртного скрипач категорически отказался.

– Печень замучила, доктора не велят, – постучал по своему животу Наливайко. Но перед тернопольским салом он не устоял. Семен, проявив небывалую услужливость, сбегал за чаем, по дороге растворив в стакане пять таблеток клофелина. Помешав адскую смесь, он поставил стакан перед скрипачом. Отведав украинского сала, Наливайко прилег отдохнуть, и уже не вставал до самой границы. Российские пограничники документы в вагоне «СВ» проверять не стали, а их коллеги из соседнего государства долго изучали заграничный паспорт Наливайко с многочисленными штампами зарубежных таможен, осмотрели один чемодан и ушли весьма недовольные собой. Второй пассажир особого интереса у таможи не вызвал из-за того, что он предъявил погранцам не москальский паспорт с двуглавым орлом, а местный с трезубом, на имя Потемкина Ивана Петровича. Паспорт этот Семен стащил у какого-то малороссиянина, прибывшего в Москву из ближнего зарубежья. Хозяин документа внешне был весьма похож на Семена, а паспорт с бумажником прятал в «чужом» заднем кармане брюк. Мимо вопиющего ротозейства Семен Водкин пройти не смог, а потом, тщательно изучив фотографию, пришел к выводу, что границу пересекать ему будет сподручнее с паспортом Потемкина, чем со своей весьма непрезентабельной справкой об освобождении из мест лишения свободы.

На первой же станции после границы Семен покинул спящий вагон, не забыв прихватить с собой чемодан с концертными костюмами скрипача и дорожную скрипку. В вокзальном туалете он быстро переоделся, натянул на глаза ондатровую шапку, и на рейсовом автобусе отправился в Крым.

Доехав без приключений до узловой станции, Семен Водкин пересел на поезд Приморск – Москва, занял пустующее купе в вагоне «СВ», и как белый человек прибыл рано утром в пункт назначения. На вокзале он за сто баксов нанял частного таксиста и с шиком, на шести-

сотом «мерсе», подкатил к конторе рынка, руководил которым уже известный читателям господин Базаров.

Кстати, никакой скрипки в руках у Семена Водкина в Приморске никто не видел. И это очень важная деталь, так как очнувшийся в столице Окраины после отравления клофелином скрипач Наливайко сообщил милиции, что кроме личных вещей, денег и концертного костюма у него пропала уникальная скрипка, созданная итальянским мастером Гамбсом в одна тысяча восемьсот шестьдесят пятом году.

– Скрипке этой цены нет! – безутешно рыдал в отделении артист.

Следователю показалась знакомой фамилия итальянца, и он потом долгими зимними вечерами вспоминал, где ее слышал, но так и не вспомнил. И это не удивительно. Слишком мало ценителей истинных шедевров осталось в нашей стране. К счастью, один из них присутствует в этом повествовании на правах главного героя. Семен Водкин наверняка смог бы назвать дело, которым прославился господин Гамбс, но в данный момент он не был расположен к разгадыванию кроссвордов, так как находился в кабинете самого Базарова.

Базаров против Хуана Карлоса

– На первый взгляд, задача, которую ставит перед вами руководство рынками, не выполнима, – заговорил в третьем лице о себе господин Базаров. – Нам надо нейтрализовать одного кандидата в депутаты от «Русского блока Крыма», молодого офицера-спецназовца.

Базаров бросил на стол листовки своего противника, его фотографию и фотокопию паспорта. Местные знатоки избирательных технологий вообще-то советовали ему не испытывать судьбу и без лишнего шума перейти на другой избирательный округ, так как победить в честной борьбе красавца-офицера, героя всех последних войн, хозяину рынков с такими внешними данными было просто невозможно.

– За него будут голосовать воины-афганцы, члены их семей, а также весь «левый» электорат, который только и мечтает, как бы посильнее нагадить нынешней власти, – предупреждали Базарова советники. – А самое главное, за этого офицера-красавца проголосуют домохозяйки, потому что он похож на главного положительного героя бразильского телесериала Хуана Карлоса. Вы можете себе представить, что красавца Хуана проигнорируют наши женщины?

Сравнение Ивана Петрова, brave майора-спецназовца, с бразильцем Хуаном не было натяжкой. В профиль это было одно лицо. Именно поэтому свою беседу с московским специалистом директор всех рынков начал с демонстрации фотографий Хуана и Ивана.

– Сходство есть, – изучив фотографии, подтвердил Семен Водкин. – Но это еще ничего не значит. Просто сумма, необходимая для нейтрализации вашего конкурента, несколько вырастет. Скажем, за 50 тысяч долларов я смогу его уничтожить.

– Убить? – сделав круглыми глаза, с надеждой спросил Базаров. В душе он ненавидел Петрова и желал ему всяческих бед. И дело было не только в выборах. Услужливые охранники за три месяца до начала избирательной кампании в офисе афганцев сняли на видео междусобойчик бывших спецназовцев. Так вот там Иван Петров, после третьей рюмки, весьма омерзительно изображал своего главного конкурента на выборах, как он выразился, «свинью Базарова». Зрители умирали от смеха и изощрались в остроумии, придумывая Базарову невообразимые клички.

– Зачем же сразу убивать, – вернул Базарова к суровой реальности Семен Водкин. – Я ведь не какой-то там уголовник из Солнцева. Я – имиджмейкер, и в моем арсенале есть тысяча и один способ морального уничтожения противника. Мы его убивать не будем, мы просто снимем этого офицера с выборов.

– Но как это сделать?! – вскочил со стула хозяин кабинета. – Он такой правильный, и действует всегда только по закону.

– За пятьдесят тысяч долларов я докажу, что даже сам Папа Римский недостоин быть депутатом вашего райсовета.

– Я бы хотел стать депутатом республиканского уровня, – покраснел скромный Базаров. Депутатский мандат ему нужен был для приватизации огромного санаторного комплекса, построенного еще во времена социализма на деньги КПСС. Бывший партаппаратчик эти деньги считал своими. И каждую ночь физически страдал из-за того, что партийная собственность может попасть в руки какому-нибудь безродному космополиту, а не ему, проверенному бойцу Коммунистической партии. Для того, чтобы решить этот вопрос, надо было стать депутатом Верховного Совета Крыма, возглавить там какой-нибудь комитет или комиссию, а уж потом предъявлять свои права на санаторий.

Семен Водкин, внимательно наблюдавший за страданиями Базарова, тут же исправил свою оплошность:

– Я имел в виду, конечно же, республиканский парламент. О чем вы говорите, господин Базаров! Вы достойны самого высокого поста не только здесь, но и в столице. Это Папа Рим-

ский мечтал стать депутатом районного Совета в одном из воеводств Польши. А вы... С вашим опытом и деловой хваткой...

После этих слов директор рынка зауважал Семена Водкина, хотя его намеки на первосвященника Базарову показались все же грубой лестью, но он отнес это к издержкам профессии московского гостя. Ну что возьмешь с имиджмейкеров, они как поэты, любят все преувеличивать и облекать в красивые слова.

После недолгих торгов высокие договаривающиеся стороны сошлись на сорока пяти тысячах долларов и бесплатном пансионе для московского гостя и его команды. Поселить Семена Водкина директор всех рынков решил в обкомовской даче, расположенной в уютной бухте на самом берегу моря. После падения режима в начале девяностых об этой даче местные депутаты забыли, а когда особо бдительные граждане попытались вернуть ее народу, оказалось, что домик у моря уже давно приватизирован неким физическим лицом, имя которого не разглашалось в соответствии с условиями подписанного местным мэром договора о купле-продаже. Попытки журналистов проникнуть на охраняемую злыми овчарками территорию не увенчались успехом. Им удалось установить только то, что эта дача, как и в доперестроечные годы, используется для приема высокопоставленных чиновников и крупных воротил бизнеса. Но самую главную тайну они так и не узнали. Физическим лицом, выкупившим за бесценок обкомовскую собственность, был родной брат Базарова, до переворота служивший управделами обкома партии. Именно на эту дачу и отвез своего московского гостя директор рынка.

Черный квадрат Малевича

Апартаменты Семену Водкину очень понравились. Все было выдержано в строгом партийном стиле. На мебели, коврах, посуде то и дело встречались надписи: «Управделами ЦК КПСС», «Обком КПУ», «Совмин» и инвентарные номера. В коридорах, просторных холлах и номерах для гостей висели картины известных художников в дорогих рамах эпохи соцреализма. Пронзительная, белоснежная березовая роща, бушующее море, терпящий бедствие четырехмачтовый парусник соседствовали с парадным портретом генсека Брежнева и скромным ликом Андропова. Семену показалось, что в этом особняке у моря навсегда остановилось время, и календарь должен был показывать восьмидесятый, а не две тысячи второй год.

– Вы, наверное, заметили, что здесь собраны лучшие картины, созданные художниками в конце прошлого века. Это все подлинники. Никаких подделок и «черных квадратов» малевичей вы здесь не найдете. Эти картины – бесценное достояние всего советского народа, – с пафосом продолжил Базаров. – И я считаю за честь сохранить их для потомков. Да и нынешним руководителям нелишне будет знакомство с подлинным искусством, а то куда ни придеешь, со стены или голые бабы в извращенных позах, или полная абстракция на фоне икон.

Семен Водкин, последние семь лет наслаждавшийся единственной висевшей в баракрепродукцией с картины «Три богатыря», полностью поддерживал хозяина номенклатурной дачи. «Черный квадрат» Малевича он считал высококлассным мошенничеством и грозил сокамерникам наплодить подобные шедевры в невероятных количествах. Эта тема в зоне широко обсуждалась после того, как один российский банкир выкупил для музея кусок холста с черным квадратом за миллион долларов.

– Бабки дуракам некуда девать, – надрывался перед сокамерниками Семен. – За абстракции и кривые рожи миллионы платят, а чего их рисовать? Да я без всякой подготовки могу начальника нашего изуродовать так на холсте, что за него сто тысяч баксов отвалят миллионеры американские.

– А десять суток карцера не желаешь от «хозяина» получить за извращение основной линии и издевательства над действительностью? – ехидно спросил у Семена фальшивомонетчик Фридман, которому за подделку американской валюты впаяли восемь лет лагерей.

– А ты вообще молчи! – тут же переключился на Фридмана Семен. – Мазила бездарный, американского президента изуродовал до неузнаваемости на сто долларовой купюре. Да если б тебя с этими долларами в Америке поймали, то ты не восемь лет сидел бы, а все пятьдесят. Ну, где ты видел косоного президента США?

– Получилось так, – буркнул Фридман и отошел к шконке.

– А получилось косоглазие у американского президента из-за того, что Фридман в фальшивомонетчики из абстракционистов пришел. Там кривые, косые, уродливые – все в масть. В свое время мудрая коммунистическая партия учила нас, неразумных, что абстракционизм – опаснейшее явление нашей эпохи, и остерегаться его надо, и бежать от него, как от чумы. А Фридманы в СССР всегда умнее всех были, установкам партийным не верили, «голоса» вражки по радио ловили, и вот результат: Фридман, изобразив косым президентом США на сто долларовой купюре, чуть международный скандал не вызвал, хорошо еще, что бдительные органы вовремя пресекли его антинародную деятельность.

Семен Водкин резко мотнул головой, освобождая себя от непрошенных воспоминаний.

– Я вас полностью поддерживаю, господин Базаров. Мне эти абстракционисты с косым президентом во, где сидят, – провел по горлу московский имиджмейкер. – И к иконам, если там новодел какой, никакого почтения. Другое дело, если подвернется что-нибудь старинное. Но сейчас это такая редкость. Иноверцы все стоящие иконы за рубеж уперли. Даже из церкви украсть нечего.

Последняя фраза насторожила директора всех рынков. Он вспомнил, что не ознакомился с документами имиджмейкера, не видел его рекомендательных писем, отчетов о работе. А вдруг он никакой не имиджмейкер, а простой мошенник?

Семен Водкин шестым чувством ощутил, что сморозил какую-то глупость, и попытался успокоить хозяина партийных апартаментов:

– Это я вам с позиции делового человека, если так можно выразиться, про абстракционизм и иконы сказал. Лично мне, как действительному члену дворянского собрания, ближе картины, написанные в духе соцреализма, рассказывающие о родной природе, море...

Краем глаза Семен наблюдал за Базаровым и отметил, что упоминание о дворянском собрании у бывшего секретаря по идеологии вызвало нервный тик. Веко левого глаза у него задралось кверху, почти полностью обнажив верхний сегмент глазного яблока, а с правым глазом произошло нечто обратное. Он прищурился, как будто от сильного солнечного света. Ко всему прочему, нижнюю челюсть Базарова повело влево.

– Так вы дворянин? – тяжело задышав, спросил Базаров.

– Не знаю, как и сказать, – замялся Семен. Бывший парт аппаратчик мог люто ненавидеть дворян и прошлых, и нынешних. – Видите ли, мой дед по материнской линии служил при дворе, и в какой-то степени был приближен к дворянству, а вот дед по линии отца – стопроцентный пролетарий. В семнадцатом году он участвовал в штурме Зимнего. Ну а потом тут все перемешалось. Дед по линии отца ушел служить в ЧК, а по линии матери – тот наоборот. Короче говоря, я наполовину, если так можно выразиться, дворянин, а на половину – свой в доску.

От напряжения Семен Водкин даже вспотел, достал платочек и приложил его ко лбу.

«С происхождением не все в порядке, – отметил Базаров. – Ужом изворачивается, значит, что-то скрывает от партии».

В директоре рынка вдруг проснулся второй секретарь обкома компартии Окраины. Он подошел вплотную к Семену и, выдыхая прямо в ухо, загремел тяжелым натужным басом:

– Разоружись перед партией, приспособленец! Кто тебя прислал сюда?

– Меня? – удивленно захлопал глазами Семен. – Так вы же сами пригласили, чтоб я на выборах помог.

– Почему деда-чекиста позоришь связями с отщепенцами?! Кто позволил с нашими врагами якшаться? – продолжал наседать Базаров. – Дворянин хренов! Да мы их в семнадцатом году всех на баржу и в море! Никто не ушел от карающей десницы ЧК. А ты продался за чечевичную похлебку классовому врагу. Дворянин объявился! Где ты при советской власти прятался?

– Там же, где и при нынешней! – обозлился Семен Водкин. – По тюрьмам да пересылкам. Вам нужен человек, способный выиграть выборы, так он перед вами! Я завалю любого конкурента, а мое происхождение, мое прошлое вас не касается. Потому что вы такой же приспособленец, как и я. Истинные коммунисты сегодня по мусоркам шарят, а вы прихватизировали партийную собственность и бульдозером во власть прёте. Но без меня вы ничто, потому что с тем офицером институтки не справятся, а я смогу поставить в позу любого! У меня есть рекомендации от самого Кошмарова.

Семен достал из внутреннего кармана узкий конверт с надписью «Правительственное», извлек оттуда письмо, отпечатанное на фирменном бланке российско-американского консорциума «Имидж».

Эту фальшивку Семен изготовил заранее, в Москве, стащив фирменный бланк во время посещения офиса этого СП.

– Я работал в команде Кошмарова на выборах Чубайса, Жириновского, – Семен лихо радочно вспоминал наиболее известных российских политиков, но кроме Зюганова в голову ничего не приходило. – Ну и, конечно, Геннадия Андреевича.

Базаров стоял как каменный гость перед клеткой жалкого кролика и беззвучно шевелил губами.

– У меня большой опыт, – неуверенно продолжил Семен Водкин.

– Сидел за что? – резко оборвал имиджмейкера Базаров.

Семен стал лихорадочно придумывать для себя благородные статьи: превышение необходимой обороны, автоавария... Кроме этого, в голову ему лезло нечто непотребное, вроде «неоказания помощи иностранному судну, терпящему бедствие» или «использование эмблемы красного креста во время боевых действий».

– Я за мошенничество сидел, – махнув на все рукой, решил сказать правду Семен.

– И долго?

– Последний раз – семь лет.

Убить кандидата в депутаты

Раскрыв свои карты, Семен мгновенно постарел лицом, стал ниже ростом и на Базарова смотрел глазами запуганного животного, точно так он вел себя в зоне, в присутствии контролеров и вохры.

– Письма он мне сует, сучара, – неожиданно подобрел Базаров. – Да я насквозь каждого проходимца вижу, имиджмейкер хренов. А по-русски как это звучит, или не переводится?!

– Почему не переводится, – успокоился Семен. – Людей моей профессии мордоделами зовут.

– Мою морду трогать не будем, она и так прекрасна, а вот красавчику Петрову физию отриховать придется.

– Все будет сделано в лучшем виде. Если не удастся нормальным путем, применим средство для полного облысения с последующим исчезновением в морской пучине, или горной пещере, а если потребуется, к однополчанину подселим на городское кладбище, в могилку. Методика отработана, так что берите, не прогадаете.

Базаров не спешил с ответом. С одной стороны, этот эковский шнырь чуть не кинул его на большие деньги, а с другой – залетный прохиндей, может, и пригодится для грязных дел.

– Мы тут посоветовались, и я решил, – вполне серьезно проговорил Базаров. – Поработаешь на меня втемную, под присмотром Ивана да Марьи. Люди они серьезные, попытаешься смыться, убьют, и им за это ничего не будет. У обоих справки из психдиспансера о полной невменяемости.

Базаров завел Семена Водкина в небольшую спартански обставленную комнату, предназначенную, скорее всего, для obsługi.

– Жить будешь здесь, – продолжил Базаров. Он достал из папки список претендентов на депутатский мандат и безапелляционным тоном человека, привыкшего командовать винтиками-людьми, сказал. – На моем округе 21 соискатель. Кроме Петрова, обрати особое внимание на мадам Скоробогатую – хозяйку универмага, и директора пивзавода с дурацкой фамилией Непийпиво.

Семен вздрогнул от неожиданности и не смог скрыть, что две последние фамилии ему знакомы.

– Они звонили в Москву, – неуверенно произнес мошенник.

– Я так и предполагал, – расплылся в улыбке Базаров. – При таком раскладе развести их на деньги будет намного легче. Твари, надумали со мной тягаться. Я им покажу выборы. До конца жизни запомнят. Кто еще звонил из нашего города?

– Производитель местных колбас, адмирал Ковбаса Сергей Иванович.

– Какой он на хрен адмирал, – пороховым зарядом взорвался Базаров. – Этот колбасник мичманом был на береговом складе, и в морском походе ни разу не участвовал. Что он тебе еще наплел по телефону?

– Про заводы свои говорил, про детей, внуков. Ситуацию в колбасной промышленности обрисовал в общих чертах. Он на мэра баллотироваться собрался. Спрашивал, смогу ли я анонимно вбросить накануне судьбоносного голосования компромат на его главного конкурента – нынешнего хозяина города.

– И что ты ответил, сучок? – подошел вплотную к Семену Базаров.

– А что я мог сказать, – пожал плечами московский мошенник. – Да за ваши деньги любого так в дерьме измажу, что родная жена не узнает, но всему поверит. Я же профи в этих делах. Да, а еще он говорил, что уважает либеральные ценности, но не любит Жириновского за его российский великодержавный шовинизм. Есть у него своя партия и на выборы она пойдет в блоке с Конгрессом окраинных националистов под лозунгом: «Каждый житель Украины

должен знать государственный язык, как свой собственный». Я ему возразить попытался, мол, в Крыму державна мова не катит. Надо наоборот, народ на борьбу за русский язык призвать. Эта фишка уже десять лет всяких проходимцев в парламент заносит. Но он воспротивился. Сказал, что на власть открыто наезжать нельзя, потому что у него бизнес колбасный очень уязвимый для проверяющих, поэтому надо избирательную кампанию так провести, чтобы она не во вред его колбасному производству пошла, а только на пользу. Компру же на мэра он собирается «сливать» через какого-то Литвина.

– Несколько лет назад он у этого Литвина магазин выторговал, там теперь колбасой из модифицированных химикатов торгуют. Ты у него не спрашивал, когда этот адмирал для своих колбас последний раз мясо покупал?

– Мне как-то до его колбасы дела нет никакого, – скривился Семен Водкин. – Я предпочитаю натуральный продукт жрать. Это пенсионеры оголодавшие по колбасным отделам ныне шастают за «Докторской», от которой только дух колбасный и остался. Проходимцы стариков на ностальгию разводят и делают на этом очень большие бабки.

– Я тоже его колбасу не употребляю. Кот мой и тот морду воротит от его «Любительской», – одобрительно посмотрел на Семена Базаров. – Гляди, что удумал. На мэра компру через Литвина сливать. Нет чтобы как боевой офицер выйти на трибуну и открытым текстом, глядя в глаза... А он сутенера из Москвы вызвал, чтобы тот чернил тут честных людей. Я сейчас при тебе поговорю с этим отщепенцем, а ты слушай и на ус мотай.

Телефонный разговор с колбасным «адмиралом»

Базаров быстро набрал телефонный номер Ковбасы. На другом конце провода трубку долго не поднимали. Наконец Базаров услышал раскатистый бас колбасника: «Слушаю вас внимательно».

– Скажи-ка мне, голубь сизый, ты документы в избирком уже подал?

– В Верховный Совет Крыма я баллотируюсь по другому округу. Мы с тобой не пересекаемся, – зачастил Ковбаса.

– Я не о себе беспокоюсь, Сергей Иванович. Ты мне не конкурент. Я любого колбасника в порошок сотру, если он мне поперек дороги станет. Мне в избиркоме сказали, что ты на мэрское кресло замахнулся.

– Заложили, суки, – занервничал Ковбаса. – Я ж просил председателя до официальной регистрации помолчать о моих документах.

– А ты не боишься, что мэр команду даст, и мои ветеринары закроют твои заводы, Что тогда делать будешь? – с издевкой спросил Базаров.

– Повторяю, я зарегистрировался пока только кандидатом в депутаты Верховного Совета, – как можно убедительнее произнес Ковбаса. Он явно волновался.

– Ты кому тут лампочки вкручиваешь, директору всех рынков, – взорвался Базаров. – Да ты только подумал, а мне уже донесли торговки на хвосте. Так вот, за то, что ты втихаря, не известив меня, выдвинуться решил на самый высокий пост от партии лысых воров, прощение проси. Иначе не доживешь до выборов со своими химикатами.

– Это какое-то недоразумение. Давай встретимся, поговорим, как люди, – засуетился Ковбаса. Он понимал, что с этим выдвижением нажил себе серьезную изжогу.

– А что мне с тобой базарить, – победно посмотрел на Семена Водкина директор рынка. – За тихушничество и сокрытие важной информации отслюнишь моим избирателям два центнера варенки. Я в пакетик водочку добавлю, пшено прошлогоднее и открытку с портретом. Народ благодарить будет. Только смотри, чтоб мой электорат от твоей «Любительской» не пропало, как кот моего Вольдемара. Я его колбаской из твоего магазина накормил, так кота, потом мои ветеринары еле спасли. Химия, сплошная химия в твоей колбасе.

– У меня все по закону, – стал оправдываться Ковбаса. – Все биодобавки и красители сертифицированы польскими специалистами.

– А поляки тут при чем? – удивился Базаров. – Народ крымский травишь, а справки на яды в Польше покупаешь?

– Ну, что я буду тебе по телефону объяснять технологию. Ты же сам знаешь, почему нынче свинина и говядина. Даже если эту колбасу из конины варить – она в такую копеечку выльется, что я за неделю банкротом стану. Варенку же только пенсионеры покупают, а у них какие сегодня деньги.

– Короче, Сергей Иванович, завтра же отгружай мне два центнера химикатов в целлофановой оболочке, и я о твоих делах молчу, как рыба об лед.

– Сию же минуту дам команду, – быстро согласился колбасник. – А по поводу выборов надо будет конкретно поговорить. Есть интересное предложение и для вас тоже.

– Вот и ладненько, Сергей Иванович, умные люди всегда договориться могут. Это дураки войны объявляют. А нам надо в одной команде быть.

Базаров с чувством превосходства положил телефонную трубку и, посмотрев на Семена, проговорил: «Они у меня все вот в этих руках. Любого удавлю. А у колбасника бабла не меньше моего будет, но и он против меня пикнуть не смеет. И ты думай, куда попал и как дальше жить будешь. Чем же тебя озадачить мордодел-мошенник?».

Базаров перестал двигать челюстью и надолго задумался, прикидывая варианты использования московского специалиста.

«Можно, конечно, сегодня же заслать его в штаб противника к Скоробогатой или Непийпиво. Вот только что он там узнает. Они ж его самого начнут напрягать, чтоб составил программу избирательной кампании, тексты листовок, радиовыступлений. Но это не главное. Проблему может создать Непийпиво, он просто перекупит мошенника. Нет, это не вариант. А может, поручить ему разработку предвыборных трюков по снятию конкурентов?».

– Для начала проверим твои умственные способности, – наконец принял решение Базаров. – Оставляю тебе закон о выборах, гражданско-процессуальный кодекс, а также копии решений судов и избирательных комиссий. До завтрашнего утра проанализируй законодательную базу и придумай варианты, как при помощи подставы снять с выборов Петрова.

– Одно уточнение, господин Базаров: с судьей, который будет рассматривать это дело, вы сможете решить вопрос, или действовать придется строго по закону?

– О законах здесь вещать надо шепотом! Придерживаться их в процессе подготовки спецкации никто тебя не просит, а вот конечный результат, с которым ты пойдешь в суд, должен иметь стопроцентное прохождение. У судьи не должно быть выбора. В то же время я допускаю проведение определенной работы с судьями, чтобы они приняли ЗАКОННОЕ, подчеркиваю ЗАКОННОЕ решение, которое не сможет отменить Верховный суд Окраины.

– Усё понял, шеф, – подражая популярному киногерою, прокричал Семен. Он остался весьма доволен развитием событий, и не очень расстроился, что не удалось кинуть на бабки лоха, без какой-либо отработки. Во-первых, Базаров не такой дурак, чтобы отдать сразу всю сумму. Скорее всего, он кинул бы десятую часть на мелкие расходы. А из-за такой мелочи идти на риск будет только идиот, или полностью отмороженный наркоман. Во-вторых, директор всех рынков – не милиция, «кинувшего на бабки» будет искать через бандитов. В Москве у него наверняка кто-нибудь найдется. Через номера телефонов выйдут на съемную квартиру и бабку Смердякову. О Семене она ничего не знает, но кореша зоновского сдаст наверняка. Она же с ним лет десять назад жила в одном доме. Понятно, что через Пердюкова-Шереметьева они легко установят его анкетные данные. При таком раскладе о дальнейшем ходе событий лучше и не говорить: удавка, раскаленный утюг, попытка электричеством... Базаров, судя по всему, человек серьезный, с таким лучше дружить.

Разговор о поэзии с дебилом Иваном

В этот момент в комнату вошел двухметровый детина, с плоской, как блин, физиономией и длиннющими руками. Семен обратил внимание на выпирающие из-под кожи «набитые костяшки» на кистях рук.

«Каратэ занимался, – отметил он про себя. – А рожа явно дебилская».

– Мне тут вот, – начал мужик неожиданно писклявым голосом, – хозяин сказал, чтоб я за тобой присмотрел и, это самое, объяснил все, как есть.

– Меня Семен зовут, – представился гость.

– А я просто Иван. Мне сказал хозяин, что ты будешь тут жить. Завтрак, значит, в восемь, обед в два, а ужин в семь. Опоздавшему – хрен, – Иван неожиданно заржал, закатывая к потолку глаза. Отсмеявшись, он продолжил. – Стих получился: ужин в семь, а опоздавшему – хрен, надо будет записать.

– А ты еще стихи пишешь? – попытался наладить контакт с начинающим поэтом Семен. Охранник у него вызывал серьезные опасения. Он чем-то напоминал ему огромного пса, скрещенного с человекоподобной обезьяной. В зоне от таких дураков Семену не раз доставалось. Дебилов, которые чаще всего на нары попадали за убийство, пригревали возле себя воры, и использовали их для «наведения порядка». Причем перевербовать идиотов на свою сторону не удавалось. Они до конца служили своим, однажды выбранным хозяевам. Иван был явно из такой породы.

– В тетрадку пишу, – расплылся в улыбке охранник. – Стихи и песни. Как кино по телику посмотрю, тетрадь беру, чтоб, значит, стих родить. У меня их уже два.

– Уважаю поэтов, – подошел вплотную к дебилу Семен. – Только тонкий человек может ухватить сюжет, передать настроение.

– Не..., – прервал Семена Иван. – Я не тонкий, я тут в охране служу, чтоб порядок был и воров от забора гоняю. А Марья – моя жена. Ты с ней не балуй. Если увижу что, убью.

– Я не по этой части, – успокоил ревнивого собеседника Семен. – Меня бабы не интересуют.

– Пидор, что ли? – неожиданно оживился Иван. – Тут такие бывают оргии между мужиками...

Сторож со смаком стал пересказывать интимные подробности общения голубых на номенклатурной даче.

– А еще тут мужики в галстуках бывают из столицы. Их бабы плетками лупцуют, на цепь сажают...

«Похоже, я попал на номенклатурный притон, – отметил про себя Семен Водкин. – Вот только информация эта мне пользы не принесет. Тот, кто много знает, мало живет».

А жить Семену хотелось вечно. И хоть он уже не раз смотрел в глаза смерти, трижды судимый мошенник верил в свою звезду. А крымские выборы считал первым этапом вхождения в высшие круги деловой и политической элиты, резонно полагая, что самые большие деньги сейчас крутятся в избирательных штабах.

До двух ночи Семен Водкин, как прилежный ученик, штудировал гражданский и процессуальный кодексы, законы о выборах, о печати, информации, постановления судов по различным предвыборным делам. С особым вниманием Семен перечитал жалобы соискателей депутатских мандатов, незаконно снятых с выборов. К утру он ощущал себя настоящим законником, и готов был в течение ближайшей недели снять с выборов всех противников господина Базарова.

Директор рынков приехал на дачу к обеду. Жена Ивана Марья, выполнявшая здесь обязанности поварихи и официантки, выставила на стол китайский фарфоровый сервиз, предназначенный для знатных гостей. Из подвала принесла две бутылки Таврического муската.

Поварихе на вид было лет двадцать-двадцать пять. Дородная, краснощекая девица с высокой, полной грудью и длинными, идеально ровными ногами «от ушей», игриво подмигивала Семену и, накрывая на стол, наклонялась так низко, чтобы своей твердой, напряженной грудью коснуться его лица. От поварихи пахло молоком. Семен ерзал на стуле, стараясь отвести глаза от ее бесстыже короткой юбки.

«Повариху наверняка Базаров подкладывал нужным людям, после чего на сцене появлялся дебил Иван с претензиями к любвеобильному гостю. Не исключено, что сцены морального падения «богатеньких Буратино» эта сладкая парочка фиксировала на видео, для последующего шантажа, – отметил про себя Семен.

– Слушаю ваши предложения, – оценивающе посмотрел на Семена Базаров. На нем был строгий черный костюм, шелковый галстук и белоснежная рубашка из тех, что по телевизору демонстрируют в рекламе стирального порошка.

– Для того, чтобы снять офицера с выборов, мне нужен «конченный лох» из местных предпринимателей с большими амбициями, чтобы использовать его в качестве ударного предмета в судах. Вы сможете найти в этом городе способного на все олигофрена-кляузника? – не раскрывая замысла будущей авантюры, спросил Семен.

– Такой человек есть, – разливая по бокалам мускат, произнес Базаров. —Вася Пекарь. Предприниматель-неудачник. Он хотел накормить Париж отравленными мидиями, выращенными в местной канализации, но там от этого деликатеса отказались, и Пекаря чуть не посадили. Теперь он не у дел и весь в долгах. Кредиторы отобрали у Васи всю недвижимость, и продолжают таскать по судам.

– А как его кинули? – живо заинтересовался банкротом Семен Водкин.

– История темная. По одной из версий его обул какой-то химик. Вася хотел прибрать к рукам местный химзавод. Но, скорее всего, это не вся правда. Я подозреваю, что аферы Пекаря попали на глаза московскому журналисту из газеты «Наше дело» Марату Барскому, и он организовал его банкротство, после чего написал рассказ «Пекарь химзавод не купит».

– А найти этот рассказ можно?

– Нет ничего проще, Маша, принеси мне досье на Пекаря, – приказал Базаров, и после того, как женщина покинула обеденный зал, продолжил:

– Ты меня перед этим Васей не свети. Он когда-то вывел в люди местного авторитета. Способный мальчонка, начинал у Васи водителем, а потом поднялся до первого заместителя главаря местных рэкетиров.

– Был вторым секретарем горкома? – перевел на номенклатурный язык странное словосочетание «первый заместитель главаря местных рэкетиров» Семен Водкин.

– Ты святое с грешным не путай! – повысил голос Базаров. – Водила Пекаря бандит и убийца, после ареста главаря банды стал здесь главным рэкетиром. А тебе, безродный космополит, советую следить за базаром и не упоминать все коммунистическую партию Советского Союза! За это можно и по зубам получить!

– Понял, не дурак. О святом больше не буду. Мне в этой истории одно непонятно, почему главный рэкетир не помог своему благодетелю?

– Думаю, что на этот вопрос ты сможешь ответить сам, после знакомства с Пекарем.

В этот момент открылась дверь, и повариха передала Базарову потрепанную канцелярскую папку.

– Здесь, – сказал он, – собраны газетные публикации и материалы его судов, кляуз в избиркомы и исполком. На ознакомление хватит и часа, после чего Маша отвезет тебя в «Универмаг» к мадам Скоробогатой. Запудришь ей мозги по той же схеме, как ты пытался

это сделать мне, и она тебя выведет на Пекаря. Машу представишь Скоробогатой своим секретарем. Ее в городе никто не знает. А теперь, главное, все переговоры с местной шпаной и представителями власти ты обязан вести в присутствии Маши. Уклонение от этого условия карается по законам военного времени – расстрелом, без суда и следствия. Надеюсь, я понятно изложил главное требование твоей безопасности. И еще одно. Муж Маши очень ревнивый, а она женщина слабая и страстная. Не советую испытывать судьбу. Удавит и выбросит в море на корм рыбам.

Отравы для французов

После обеда Семен Водкин внимательно изучил содержимое папки. Заявление в суды и избиркомы, подписанные Пекарем, привели Семена к мысли, что автор был, мягко говоря, не совсем нормальным.

– Он не страдал манией величия, он ею наслаждался, – пробормотал Семен, переходя к опубликованному в газете рассказу, который назывался: «Невыдуманная история «Пекарь химзавод не купит».

«Был холодный февральский день. От нечего делать я забрел на деревянный старый причал. На стульчиках сидели трое скукоженных мужиков. Временами они извлекали из воды рыболовецкие снасти, меняли на крючках наживку и, поплевав на извивающегося в предсмертных муках червяка, забрасывали его в холодное море.

Тишину нарушил мужик в рваной фуфайке и теплых солдатских брюках:

– Пекарь теперь завод к своим загребушим лапам прибрать надумал, химический, а у меня опять одна зеленуха клюет.

– Это какой Пекарь-то? – спросил сидящий рядом толстый мужик в роговых очках. – Не Василий?

– Он самый, стервец, – старик приподнялся и вытащил из-под себя изрядно помятую газетку с разрисованным чернильной пастой портретом местного предпринимателя. – Харю-то, смотри, какую отъел на чужих харчах! Все хитростью да подлостью заимел: и машину, и деньги, и рыбозавод.

– Гнусный тип Пекарь, – подтвердил очкарик. – Ворюга, по роже видно.

Рыбаки перестали смотреть на поплавки и начали активно обсуждать героя газетной заметки.

– А первые деньги он у меня украл, – продолжил старик. – Кабак на набережной «Три пескаря» видели? Так это моя точка была, и если б не этот прохиндей, имел бы я стабильный доход.

– На тебя Пекарь с бандитами наехал? – заинтересовался тощий мужчина в драной солдатской шапке-ушанке.

– Тогда у него еще бандитов не было, – достал из кармана махорку старик. – Дело это происходило в начале девяностых. Я тогда другим человеком был. В духовом оркестре играл на похоронах да на свадьбах. А тут кооперативы в городе появляться стали. Предложили нам в аренду танцплощадку в парке. Со ста рублей выручки трояк надо было отдавать исполкому. Подсчитали мы с лабухами будущие доходы, и давай танцплощадку в порядок приводить. Первым делом асфальт новый положили, чтоб танцевать людям можно было, не спотыкаясь, забор покрасили, за все про все тыщонку пришлось выложить. По тем временам это были большие деньги, но мы надеялись за первый же месяц их «отбить». Вначале все шло, как по маслу. Народ к нам валом валил. По полтинничку с носа – за вечер до ста рублей набегало. При таких темпах до конца месяца все расходы могли бы покрыть, а с июля и на себя поработать. И тут на нашу беду Пекарь нарисовался. Он тогда начальником первого ЖЭКа работал, а наша танцплощадка на его территории оказалась. Походил он вечером вокруг, посетителей посчитал, и после закрытия ко мне с разговором. Я, говорит, по линии ЖЭКа за эту территорию отвечаю, дворники там, мусор, так что давайте – каждый вечер на коммунальные нужды наличкой по чирику. Я, понятно, в амбицию, за какие такие коврижки жэковской крысе платить буду по триста рублей в месяц? Короче, послал Пекаря куда подальше, но он не успокоился, телегу в исполком накатал, мол, из-за нашей музыки у курортников мигрень одна на нервной почве, спать им вечерами мешает духовой оркестр со своими трубами и барабаном. Жэковскую бумагу в отдел культуры переслали, заведующий меня вызвал и открытым текстом: «Ты бы

с Пекарем договорился, а то он жалобами замордует тут всех». Я, конечно, послушался шефа, пошел в ЖЭК, а Пекарь с меня двадцатку за вечер потребовал. Я музыкантам рассказал о вымогателе, все орать стали: если мы одному давать на лапу начнем, то завтра их целая очередь выстроится.

Очкарик, внимательно слушавший рыбака, многозначительно произнес: «Судя по твоему прикиду, платить Пекарю вы не стали, и он разорил ваше предприятие».

– Да как хитро сделал, – в сердцах сплюнул на землю бывший музыкант. – Короче говоря, на следующий вечер заявляется Пекарь на танцплощадку уже не один, а с Гуревичем – инженером первого ЖЭКа. Походили они по площадке, асфальт пощупали для чего-то, а потом этот самый Гуревич тоном профессора заявляет, что положили мы, значит, неправильный асфальт, загрязненный всякими вредными примесями. Ты видел такое, чтобы асфальт неправильный был? Мы машину эту с асфальтом аккуратно от стен горисполкома увели за двадцатку.

Я Гуревичу так и врезал тогда с юмором: «Мол, если у нас асфальт поменять надо, то и у исполкома снимай его немедленно, чтоб начальство не передохло».

Пекарь на мою речь тогда ничего не сказал, но неделю не появлялся в парке. Мы уж думали, что отстал лихоимец, да не тут-то было. Начали у нас на танцплощадке подлинные безобразия происходить. Только танцы начнем, женщины к выходу бежать, ноги из-под платьев красные, на глазах слезы, следом за ними мужики уходят, а у музыкантов к концу вечера глаза слезятся и чешутся. Что только мы не делали, чтоб от этой напасти избавиться: и скамейки сменили, даже шифер цветной с решеткой отодрали, ничего не помогло. А на шестой день появился к нам Гуревич с Пекарем и врачи из санэпидстанции, пробы воздуха взяли, людей опросили, и даже кусок асфальта отодрали от пола на экспертизу. А танцплощадку до выяснения обстоятельств, опечатали. Я в отдел культуры, а заведующий мне шепчет: «Я ж предлагал тебе по-хорошему с Пекарем вопрос решить, а ты денег пожалел». Я из нашего разговора так ничего и не понял: ну какая связь между взяткой начальнику ЖЭКа и аллергией у танцующих. А тут еще из санэпидстанции предписание пришло: снести экологически опасный объект с лица земли.

Пекарь тут уж расстарался. На следующий день бульдозер в парк пригнал и площадку танцевальную в клумбу превратил, а к следующему лету на месте танцплощадки ресторан соорудил. Говорят, что у него в доле заведомо культуры Петров и санитарный врач вместе с Гуревичем.

– Ну а зуд-то, отчего возникал у танцоров? – спросил очкарик, извлекая из воды очередную зеленуху.

– От медуз, – зло сплюнул старик-музыкант. – Мне потом пацаны по секрету рассказали, что Пекарь, после того, как я не стал ему мзду платить, собрал беспризорников и предложил им работу не пыльную, но денежную. Каждое утро они должны были выловить в море по десять голубых медуз и принести в ЖЭК. Пацаны выкладывали медуз на жестяную крышу ЖЭКа и тут же получали свой гонорар, по двадцать копеек за штуку. За день эти морские твари усыхали на солнце и, все, что от них оставалось, малолетние негодяи рассыпали вечером на танцплощадке. Когда люди начинали танцевать, ядовитая пыль поднималась с земли и, оседала на открытые части тела танцующих дам...

– Здорово он тебя обул, – расхохотался очкарик, выбрасывая несъедобную зеленуху обратно в море. – За такие открытия Пекаря надо к премии представить Нобелевской.

– Убивать таких знатоков надо, – обозлился бывший музыкант. – Ты знаешь, что он в интервью журналисту наговорил: «Я, как член общества охраны природы, установил в море мидиевые ловушки, и эти санитары морских глубин теперь ежедневно очищают тысячи кубометров воды, а недавно я заключил договор с французами на поставку черноморских мидий в Париж на сто тысяч долларов». Представляете?

Сидевший у края причала сорокалетний мужчина повернул голову в сторону музыканта и спросил: «Пекаря вашего Василием Алибабаевичем зовут?»

– А что, личность знакомая? – протянул газету музыкант.

– Значит, это он к нам на химзавод приходил. Я еще подумал, где он деньги возьмет на покупку завода? – пробормотал мужчина. – А он, оказывается, завод за счет мидий купить надумал.

– Пекарь ваш завод закроет, оборудование продаст, а в акватории бухты моллюсков выращивать станет. Он об этом по телевизору уже говорил, – обрадовал мужчину музыкант. – А ты по моим следам пойдешь в безработные, господин инженер.

Мужчина еще раз перечитал интервью Пекаря в газете и удивленно спросил: «А где это Пекарь здесь экологически чистых моллюсков выращивает? В заливе грязи больше, чем в канализации».

– Для французов этот прохиндей специальную плантацию мидий построил в открытом море. Лягушатники там пробы воды десять раз брали, чтоб ни металлов ядовитых, ни бактерий в их деликатесах не было. Пекарь в это дело все свои деньги вложил, кредитов набрал на полмиллиона долларов. Квартиру, дачу, машины – все заложил.

Инженер-химик некоторое время неподвижно сидел на краю пирса, прикрыв глаза, наконец, решившись, сказал: «Спорю на бутылку водки, что ваш Пекарь через два месяца пойдет по миру и будет прятаться от кредиторов».

– Ты еще Пекаря не знаешь, – возразил музыкант. – Этот глист через самую узкую щель выползет наружу, и ты водку проиграешь.

– Разбивай, очкарик, – радостно закричал инженер. – Не увидят французы черноморских мидий.

Через два месяца троица встретилась на том же причале. Инженер-химик был в приподнятом настроении, при галстук, а музыкант все в той же рыбацкой робе.

– За водкой беги, – как ребенок радовался инженер. – Обанкротился Пекарь. Милиция его в розыск объявила.

– Водку я принес, – забормотал музыкант униженно. – Но как тебе удалось это сделать?

– Василий Алибабаевич в школьном кружке бабочек изучал и медуз разных, а я химией увлекался с ранних лет. По барию научную работу писал.

– Ну и что с того? Я тоже с детства на скрипке играл, – обиделся музыкант.

– Скрипка – это баловство, а вот хлорид бария – очень серьезное вещество. И что интересно, на нашем химзаводе его как раз и производили до недавнего времени.

– И при чем тут Пекарь?

– Дело в том, что хлорид бария хранился у меня в лаборатории. Я набрал бутылёк трехлитровый, сплавал к мидиевым плантациям на шлюпке и нечаянно уронил его за борт. Месяц назад Пекарь собрал свои деликатесы и на самолете отвез в Париж. Там сделали анализ и поняли, что Василий Алибабаевич – особо опасный преступник, который надумал отравить французских гурманов хлоридом бария. Смертельная доза этого яда для человека 0,8 грамма, как раз столько идет на одну порцию мидий. Французы хотели Пекаря заточить в тюрьму, да он вовремя смылся.

Музыкант извлек из сумки бутылку водки, разлил по пластиковым стаканам и с горечью произнес: «И чего это я в школе химию не учил на уроках».

Семен, дочитав рассказ, сложил все бумаги в папку и вышел в холл. На диване, под портретом генсека Брежнева, его ждала повариха.

– Мадам, я готов к совершению подвигов во имя избирательной кампании шефа. Кто нас доведет до Скоробогатой?

– Я и доведу, – улыбнулась женщина, направляясь к выходу. У подъезда стоял черный «Мерседес». Женщина привычно заняла место водителя и, приоткрыв дверцу, пригласила в салон столичного имиджмейкера. Ворота им открыл сторож Иван.

– Какие еще обязанности вы исполняете в этом вертепе? – закурив сигарету, спросил Семен. – Повар, официант, водитель, секретарь...

– И начальник службы безопасности, на которую возложена функция контроля над ненадежными гражданами, пытающимися вешать моему шефу лапшу на уши.

– И где вас всему этому научили?

– Киевский университет культуры, – улыбнулась женщина. – У меня высшее образование: режиссер массовых зрелищ.

– А справка из дурки – это вранье, или...

– Шеф вам уже об этом рассказал, – напряглась женщина. – Она у меня есть, и я это не скрываю. Сегодня о такой справке можно только мечтать, особенно при моей работе.

– А Иван ваш муж или... – продолжил расспросы Семен. Ему хотелось побольше узнать об этой странной парочке. Да и женские прелести повара-секретаря продолжали волновать профессионального мошенника.

– Столь интимную информацию я предпочитаю не разглашать первым встречным, – кокетливо повела плечами женщина.

Через десять минут машина въехала во двор универсама. Госпожа Скоробогатая оказалась на рабочем месте. Это была женщина лет сорока-пятидесяти, с припухшим лицом, то ли от болезни почек, а может, и от злоупотребления алкоголем.

– Я к вам прямо из Москвы, как договаривались, – соврал Семен весьма убедительно. – Вот мои рекомендации от господина Кошмарова, руководителя нашей команды.

Письмо было набрано на компьютере самим Водкиным, а подпись знаменитого имиджмейкера – скопирована с какого-то документа.

Скоробогатая мельком посмотрела на текст письма, отложила его в сторону и стала задавать вопросы о том, как лучше ей войти в избирательную кампанию.

– Буду с вами откровенна, – продолжила Скоробогатая. – Нам, предпринимателям, нынче без депутатского мандата уже не прожить: пожарники, санитарные врачи, ветеринары, милиционеры задрали своими проверками. А вот если б я была депутатом, то и ко мне относились бы эти чиновники поуважительнее, потому что от депутатов зависит их благополучие.

– Правильное решение, и очень своевременное, – тут же подыграл директору универсама Семен, и пообещал стопроцентную победу на выборах, если, конечно, с ним будет заключен контракт. Свои услуги Семен оценил в 50 тысяч долларов.

Скоробогатой сумма показалась чрезмерной, и она, вспомнив весь свой базарный опыт, попыталась убедить московского имиджмейкера снизить расценки до... тысячи долларов. После долгих мучительных переговоров трижды судимый мошенник согласился работать на мадам Скоробогатую «за сущие копейки» – десять тысяч долларов.

Директор рынка пообещала выплатить всю сумму в три приема: 20% аванса в день заключения контракта, еще 30% после того, как ему удастся снять с выборов конкурентов, а оставшиеся пять тысяч только после победы на выборах.

Компромат на мэра

Подписав договор об оказании консультационно-информационных услуг и получив две тысячи долларов, Семен попросил хозяйку универмага свести его с Пекарем, которого предложил использовать в качестве «ударного предмета в судах».

Просьба эта несколько озадачила Скоробогатую, и она попыталась выяснить, как именно Семен будет выбивать ее конкурентов с выборов. Московский имиджмейкер заявил, что технология запатентована и ее разглашение влечет за собой огромные штрафы. Директор универмага в этот бред не поверила, но спорить не стала.

– Я бы вас хотела предостеречь, – произнесла она, разыскивая номер телефона Пекаря. – Человек он ненадежный, не в меру пьющий, скандальный и непредсказуемый, к тому же с большими амбициями. Он завалил все магазины вонючими моллюсками, которых никто в нашем городе не покупает, потом пытался это дерьмо сбыть французам, но даже любители лягушек и улиток от этой гадости отказались.

– Кстати, о моллюсках, – подхватил тему Семен. – Я тут прочитал в газете, что Пекарь хотел купить химзавод, это правда?

– Об этом вы лучше у самого Пекаря спросите, но одно я знаю точно, Василий Алибабаевич сделал роковую ошибку в своей жизни. Он каким-то образом перешел дорогу российскому журналисту Марату Барскому из газеты «Наше дело», – понизила голос до шепота Скоробогатая. – А этого делать нельзя было. С ним даже мэр старается не конфликтовать, а уж у него-то возможности в городе неисчерпаемы.

– Журналист – сильный перец, – весьма пренебрежительно отозвался об авторе статьи Семен. – Что эти писаки могут? Да я его одним пальцем разотру!

– Я предупредила вас при свидетеле, – помрачнела Скоробогатая. – У Марата компромат есть не только на всех предпринимателей, бандитов и руководителей города, но и на премьера, а он СОВЕТНИК САМОГО ГАРАНТА КОНСТИТУЦИИ. Да что там премьер, он спикера парламента до суда довел. Душка Евгений уже четвертый год в розыске.

– Это тот Евгений, который четыреста тысяч баксов списюкал, и депутатов «заказывал»? – проявил небывалую осведомленность Семен.

– Об этом милицейская газета писала, но суда еще не было. Супрун, говорят, живет где-то в России, юридические науки преподает студентам, но крови Марат Барский ему попортил. У журналиста этого дружба в прокуратуре, милиции. Он если в кого вцепится, то непременно доведет человека до тюрьмы, – подвела итог беседы Скоробогатая. – А сейчас, Барский выборами занимается, так что будьте осторожны. Он очень опасен, и читатели ему верят.

Скоробогатая подняла телефонную трубку и попыталась дозвониться до предпринимателя-неудачника. Но отыскать Пекаря ей не удалось. Домашний телефон отзывался длинными гудками, а рабочий – был отключен за долги. После консультации со своей секретаршей директор универмага предложила съездить к Пекарю на автомобиле.

– Он сейчас отдыхает в центре города, у картинной галереи.

На двух машинах Семен Водкин и Скоробогатая отбыли на свидание с Пекарем. Нашли его спящим в зловонной луже, недалеко от памятника знаменитому маринисту.

– Теперь вы понимаете, почему от него отвернулись не только коллеги – предприниматели, но и главарь местных рэкетиоров? Вася окончательно спился, и ему уже никто не поможет. Его пытались даже лечить у нашей знаменитости – Довженко, но и кодирование не спасло.

Семен подошел к луже и стукнул пьяницу несколько раз кулаком по физиономии. Пекарь открыл левый глаз и невнятно выругался. От него за версту несло буряковым самогоном, чесноком и тройным одеколоном.

– У вас есть шанс решить все финансовые проблемы, – поднял с земли Пекаря Семен. – А если очень повезет, то вы сможете стать даже депутатом Верховного Совета Крыма.

От этих слов Василий Алибабаевич стал на глазах трезветь, и, поменяв матерные слова на предвыборный слоган, заорал:

– Жители курорта, ваш земляк Пекарь спасает город от бездарей, бюрократов и убийц! Голосуйте за представителя поколения новой формации президента фирмы «Лангуст»! Даете жилищную реформу! Каждому мужику по бутылке за чистый бюллетень, каждой бабе... по прокладке «Олвис-ультра», чтоб не протекало, или зубную пасту «Блендамед», чтоб не гнило! Все на выборы! – стукнув себя в грудь кулаком, завершил предвыборную речь Пекарь и, прослезившись, полез целоваться к Семену. Российский мордодел брезгливо оттолкнул от себя нетрадиционно ориентированного кандидата в слуги народа, и назидательно произнес:

– Если вы хотите в корне изменить свою жизнь, завтра встречаемся в девять утра в универмаге.

Убить листовками

В кабинет директора универмага Пекарь вошел в приподнятом настроении. Черный костюм, галстук в горошек, белая рубашка и принятый внутрь флакон тройного одеколона делали его похожим на делового человека новой формации. На свидание с московским имиджмейкером он пришел минут на сорок раньше назначенного времени. Сделав комплимент секретарше, Василий Алибабаевич стал выяснять детали биографии московского гостя. Но Елизавета Петровна весьма умело уходила от прямых вопросов Пекаря. Она его вообще не воспринимала как равного себе человека, и считала конченым алкашом.

Ровно в девять в кабинет Скоробогатой прошествовал Семен Водкин в концертном костюме обворованного им скрипача. Директор универмага выделила для переговоров свой кабинет, а сама незаметно исчезла. По правую руку от Семена села его секретарша, физиономия которой показалась Пекарю знакомой.

– У меня деловое предложение, – решил взять быка за рога Семен. – Я помогу вам расчитаться с долгами и организовать новое дело, а вы за это снимите с выборов негодяя Петрова.

– И что для этого надо? – несколько разочарованно спросил Пекарь. Ему показалось, что москвичи решили ставить лично на него.

– Для того, чтобы получить серьезные суммы, надо, прежде всего, зарегистрироваться в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета Крыма.

– Это я запросто, – быстро согласился Пекарь. Идея с регистрацией ему понравилась. Хитрый Вася тут же в уме отработал дальнейшее развитие событий. Дело в том, что отказаться от борьбы может только сам кандидат, лично написав заявление в избирком. Снять же его посторонним будет непросто. А если пообещать своему бывшему водиле политическую поддержку, то глядишь, на последней фазе выборов он сделает ставку на проверенного Пекаря, и тогда к чертовой матери полетят все эти хитроумные схемы московского мордодела.

– Сделаете это сегодня. После того, как вас зарегистрируют кандидатом в депутаты, возьмете вот эти листовки, выпущенные штабом Петрова, и расклеите их на дорожных знаках, государственных зданиях, в том числе и местной мэрии, милиции и службы безопасности. Причем сделаете это лично, никаких мальчишек привлекать к этой работе нельзя. Надеюсь, вам не нужно объяснять, что попадаться за этим занятием на глаза избирателей не стоит. Если все пройдет без осложнений, то завтра же возьмете с собой телеоператора местного телевидения, двух членов комиссии и в их присутствии зафиксируете грубейшее нарушение закона о выборах на видео. После чего составите акт и вместе с копией видеокассеты и собственноручным заявлением передадите все это председателю местного суда. Вопросы есть?

– Есть один, – заерзал на стуле Пекарь. – А зачем мне клеить листовки, я могу поручить это дело своим водолазам или реализаторам мидий.

– Об этой операции знаем только мы троем. Если вы втянете в нее посторонних, то в последний момент дело может развалиться в суде из-за того, что исполнитель получит возможность вас шантажировать, – популярно объяснил Семен Водкин.

– У меня есть надежные люди, которым я полностью доверяю, – возразил Пекарь. Он боялся, что его поймают во время расклейки листовок.

– Любого человека можно купить, запугать впоследствии. Разве что исполнителя следующим утром после спецакции утопить в море? Если таким образом будете решать проблему свидетеля, я не возражаю, – спокойно, без напряжения продолжил Семен. Ему нужны были не столько листовки, сколько замазанный этой историей сам Пекарь.

– Убить? – сделал круглые глаза Пекарь. – Да как вы могли такое подумать. Я член общества охраны природы!

– Вот поэтому я вам, как члену... этой общественной организации, предлагаю выполнить работу по расклейке листовок лично. После чего мы с вами встретимся за рюмкой чая.

Семен извлек из бумажника стодолларовую купюру и протянул Пекарю: «Это на текущие расходы. Можете угостить пивом членов комиссии и оператора телестудии. Из этих же денег оплатите госпошлину за поданный иск в суд. Вопросы?

Вопросов у Пекаря больше не было. Сtodолларовая купюра убедила его в серьезности намерений московского мордодела.

Разговор с фальшивым адмиралом

Следующий визит в этот день Семен Водкин нанес директору пивзавода Непийпиво, которого, как оказалось, волновал не только красавец офицер Петров, но и директор всех рынков Базаров. Семен Водкин весьма быстро заключил договор об информационной поддержке кандидата в депутаты. Взял рекламные материалы, рассказывающие о небывалых достижениях пивобезалкогольного водочного предприятия, и пообещал через пару дней разместить в местных СМИ «убойную рекламу» господина Непийпиво.

– Победу гарантирую в первом туре, – принимая из рук директора две тысячи баксов, с чувством произнес Семен Водкин. – Можете не сомневаться. На вашем фоне конкуренты будут выглядеть весьма бледно.

Третьим на его маршруте был колбасный король Сергей Иванович Ковбаса. Залетного имиджмейкера он принимал в своем городском офисе, примыкающем к магазину «Мурочка».

Кабинет у Сергея Ивановича был выдержан в военно-морском стиле. На одной стене висели: морской бинокль, штурвал, парадный адмиральский китель и корабельный колокол. Под этим корабельным «натюрмортом» стоял огромный якорь. Противоположную стену украшали образцы колбасной продукции и копченостей, выпускаемых удачливым предпринимателем. «Московская», «Деликатесная», «Зернистая» и охотничьи сосиски были привязаны к потолку. Остальные, в том числе и вареные колбасы, были аккуратно разложены на деревянных полках. Здесь же стояли банки с тушенкой, маслинами и пивом.

Третья стена кабинета была увешана дипломами, почетными грамотами, переходящими вымпелами и медалями. Центральное место на стене занимала огромная цветная фотография, на которой мэр города вручал Ковбасе «Почетную грамоту».

– Впечатляет, впечатляет, – расплылся в улыбке Семен Водкин. – Честно признаюсь, нигде ничего подобного не видел.

– Не желаете ли продегустировать продукцию моего завода? – засуетился хозяин кабинета.

– Ни в коем случае, – вспомнив о разговоре с Базаровым, замотал головой московский гость. – Я употребляю в пищу исключительно натуральные продукты. Вся эта химия не для моего желудка.

– Я ж вам не варенку предлагаю, – обиделся Ковбаса. – У меня есть и натуральный продукт. Буженина – стопроцентное мясо, изготовлена по старинному рецепту. Это только для гостей. Мы бужениной уже не торгуем.

– Почему не торгуете? – продолжил светскую беседу Семен.

– Цену не сложить на нее сегодня. Килограмм – двадцать пять долларов стоит. За такие деньги буженину даже предприниматели не берут. Вообще, трудное сегодня время настало. Я когда начинал – покориł покупателей качеством товара. Очереди стояли. От покупателей отбоя не было. Потом мясо подорожало. Пришлось отходить от отечественных технологий. Для вареных колбас закупил в Польше сою и специальные красители. У меня ж основной покупатель пенсионеры. Они хотят колбасу есть такую же, как и в детстве.

– И платить за нее два двадцать, – поддержал хозяина колбасной фирмы Семен.

– В том-то и дело. Но таких цен уже нигде нет. Поэтому пришлось несколько изменить технологию. Название и внешний вид вареных колбас остались прежними, а вот содержание... Но у меня нет другого выхода. На западе уже давно перешли на различные заменители.

– Но польскую колбасу ни немцы, ни французы в свои страны не завозят, – проявил глубокие знания в обсуждаемой теме Семен Водкин.

– Это не совсем так, – покачал головой Ковбаса. – Они ее поставляют за рубеж, но под маркой проверенных фирм. Внешне польскую варенку отличить от немецкой может только

специалист. Но в главном вы правы, основные покупатели этой продукции – Украина и Россия. Лично я готовый продукт у них не беру. Варим на месте, но по польским рецептам с применением различных заменителей мяса.

– А зачем вам мэрское кресло? Колбасный бизнес приносит хороший доход, а там голый оклад, – решил уйти от гастрономической темы Семен.

– Я бы ничего не менял, но в городе появились супермаркеты, которые завозят сюда колбасы со всего мира. Я потерял не только богатых покупателей, но и пенсионеров. Они стали отказываться от моей «Докторской» и «Любительской».

– Короче говоря, фирма стоит на грани разорения, – подвел итог беседы Семен.

– Вы меня неправильно поняли, – замахал руками Ковбаса. – Никакого краха еще не наступило. Я наладил поставки пива из той же Польши, маслин, грибов. Но доходы, конечно, уже не те. В таком же положении оказались и мои коллеги из местного Союза предпринимателей. Месяц назад мы собрались вместе и создали новую партию – «Таврическую либеральную», с которой пойдём на выборы. Ваша задача раскрутить этот бренд и помочь мне занять должность мэра Приморска. Для достижения этой цели я готов блокироваться с кем угодно, даже с националистами. И чтоб вы правильно ориентировались в ситуации, поясню, с будущего года начнется большая приватизация. С молотка пойдут санатории, дома отдыха, пансионаты, земля. Вы представляете, какой откат будут получать чиновники с каждого аукциона?

– Этот нюанс я еще в Москве просчитал, – широко улыбнулся Семен. – Желания ваши вполне оправданы и понятны. Но вот название партии – у вас полный отстой: «Таврическая либеральная» весьма созвучна с «Таврической минеральной», «Таврической малохольной», а в сокращении получилось «ТЛП». Водку называть надо: «Таврическая либеральная», а не партию. Алкаши будут довольны: а не пойти ли нам полиберальничать с утра. Не могли ничего другого придумать?

– Мне самому это название не нравится, но ничего не сделаешь. На Украине более сотни официально зарегистрированных партий. Все лучшие названия расхватили. Уже и не разберешь, что это за партия и куда зовет. Мы на политсовете прикинули, что «Либеральная Украина» звучит свежо и весьма точно выражает взгляды и помыслы, а когда пошли регистрировать, оказалось, что подобное названия уже есть. Пришлось на ходу предлагать разные варианты. Остановились на «ТЛП» – «Таврическая либеральная партия».

– Ладно, с названием как-нибудь перетопчемся. Я над слоганом поработаю. Сейчас меня другое беспокоит, ваша биография. А если точнее, ее флотская составляющая. Местные знатоки утверждают, что звание у вас в армии было не адмиральское...

– Клевета. У меня свидетели есть, документы. Я на Севере служил, тут все чисто. Во всяком случае, раскопать они ничего не смогут, – густо покраснел Ковбаса.

– Вам виднее, конечно, – пожал плечами российский мошенник. – Но не хотелось бы нарваться в разгар избирательной кампании на подобный сюрприз. У ваших противников тоже будут профессионалы работать.

– Здесь изменить уже ничего нельзя. Пять лет назад я давал интервью и в шутку сказал о своем адмиральском звании. Журналистка опубликовала его в местной газете, потом эту статью перепечатали другие издания.

– А на самом деле вы были мичманом? – после долгой паузы уточнил Семен.

– Давайте мы эту тему закроем. Изменить уже все равно ничего нельзя.

– Хорошо. Теперь о партиях. После того, как вы со скандалом покинули компартию...

– Это произошло в девяносто первом, – перебил Семена Водкина Ковбаса. – Время, сами понимаете, было мутное. Я приехал в Приморск и вступил здесь в «партию экономического возрождения Украины».

– Оппоненты ее называли «Партия жирных котов» сейлемовской ОПГ, – вставил реплику Семен.

– Это не важно. Там собрались деловые люди. Мы практически уже пришли к власти. Во всяком случае, Крым была полностью под нашим контролем, – стал вспоминать Сергей Иванович.

– Потом разгромили сейлем, и вы оказались в партии Черновола, потом были народные демократы, республиканцы, конгресс украинских националистов, – продолжил Семен.

– Вы же все знаете, зачем спрашиваете? – возмутился Ковбаса.

– Это все может оказаться во время выборов на заборах и в газетах. У вас есть разумные объяснения подобного поведения? – жестко спросил Семен.

– Объяснение одно, для того, чтобы заниматься бизнесом в этой стране, нужно иметь душу проститутки. Вы что, думаете, я от хорошей жизни менял эти партии, блоки и движения? Меня жизнь заставила прогибаться вместе с основной линией государства, – повысил голос Ковбаса. – Вам легко осуждать, сидя в Москве, а вы попробуйте хоть что-то сделать своими руками. Да меня за этот каторжный труд уже давно должны были представить к званию «Герой Украины», а вы меня, по глазам вижу, осуждаете.

– Я не священник, а это значит, что передо мной исповедоваться не обязательно. Мне нужны аргументы для пресечения слухов, сплетен и черных технологий. Больше всего по кандидату бьет его прошлое. У вас оно весьма уязвимо. Во-первых, самозванство с адмиральским чином. Придется нагибать журналистку, которая первой запустила эту чушь в прессу, и выдумывать правдоподобные объяснения. Второе – партийная всеядность. У вас просто страсть к смене убеждений и партийных билетов, но самое страшное – это «Докторская» колбаса из модифицированной сои и крахмала. Если это дерьмо вылезет наружу, то пенсионеры отвернутся не только от вашей продукции... Вы потеряете тысячи голосов самых активных избирателей.

– И что мне делать? – перешел на шепот Ковбаса. Он весь как-то сник и сжался в своем кресле.

– Сегодня же уберите адмиральский китель из рабочего кабинета. Повесьте его в шкаф и примеряйте дома без свидетелей. А еще лучше будет, если вы его никогда больше не надеваете. Эти погоны не каждому по плечу. Предупреждаю, будет очень плохо, если ваше фото в адмиральской форме окажется на листовках наших противников. По поводу партий. Это тоже не просто. Нужны весомые аргументы для ветеранов. Они предателей не прощают. С этим текстом будем серьезно работать. Предупреждаю сразу, никаких интервью на эту тему. Текст должен быть выверен до запятой. И, самое страшное: колбаса из модифицированной сои.

– У меня есть заключение польских экспертов.

– Засуньте его в то место, откуда выходит уже переработанная электоратом колбаса, – с металлом в голосе произнес Семен Водкин. – Заключение нужны подлинные, заверенные мокрой печатью Минздрава, ветслужбы и комитета по защите прав потребителей ОКРАИНЫ.

– Это стоит больших денег. Я уже пытался получить сертификат качества, – опустил голову Ковбаса. – Мне легче закрыть производство, чем в этих условиях бороться за качество продукции.

– Вам виднее, Сергей Иванович, но без подлинно-фальшивых справок ввязываться в эту избирательную кампанию я не советую. Это выброшенные на ветер деньги. Если б я работал на стороне противника, то в микрорайонах устроил показательную дегустацию настоящей и вашей фальшивой колбасы. После чего вручил бы потенциальным избирателям по палке колбасы, изготовленной по старинным рецептам из натурального мяса, вместе с подробнейшим описанием того, что подсовывает им ваша фирма с химическими формулами и заключениями экспертов-диетологов и врачей-онкологов. После такой акции можно не только снимать свою кандидатуру с выборов, но и закрывать магазины. Мне доводилось читать статьи на эту тему в московской прессе. Польская химия весьма опасна для здоровья, и весь этот международный обман держится только на взятках и коррупции. Так, мы заключаем договор или...

- Обязательно. Прямо сейчас, на пятьдесят тысяч долларов и вы с завтрашнего дня начи-
нает на меня работать.
- Аванс, я полагаю, смогу получить сегодня?
- Десять процентов от суммы плачу прямо сейчас, – полез в сейф Ковбаса.

Подкуп. Бутылка водки за один голос избирателя

Через два дня, за ужином, Семен Водкин доложил о проделанной работе господину Базарову.

– Непийпиво может профинансировать не только рекламную кампанию, – приступая к десерту, сообщил Семен. – На своих конкурентов он намеревается натравить милицию и налоговую полицию. Мне он сказал, что в этих структурах у него «все схвачено».

– Что еще?

– Если это не поможет, – добавил Семен, – директор пивзавода намекнул, что проблему закроют... гробовщики. Насколько я понял, мандат ему нужен для того, чтобы по дешевке прибрать к своим рукам всю местную промышленность.

– А Скоробогатой нужны оставшиеся пока без хозяев магазины, – задумчиво произнес Базаров.

– Вот именно, – оживился Семен Водкин. Таврический мускат несколько раскрепостил его и сделал более разговорчивым. – Жалкие ничтожные люди лезут в депутаты для того, чтобы похитить у народа последнюю собственность: магазины, заводы, санатории... Нет, чтобы проявить заботу о людях, а они свой карман набить мечтают.

– Ты чего тут несешь! – неожиданно взорвался Базаров. – Какие санатории, какие карманы?! Лично я пекусь о своих избирателях. Вчера малоимущим на моем участке было роздано триста килограмм риса и два центнера вареной колбасы.

Семёна уже поставили в известность об этой акции. Триста килограмм малопригодной в пищу крупы нужно было отвезти на свалку, но Базаров решил использовать ее для покупки голосов малоимущих.

– Я бы вам не советовал заниматься подобной благотворительностью, – покачал головой Семен. – При желании ваши конкуренты смогут убедить суд в том, что вы покупали голоса избирателей при помощи продуктов питания.

– Я им еще и водку раздам за неделю до выборов. Целый вагон! Пусть пьют за мое здоровье! А с судом я договарюсь – это не твои проблемы.

– Вам решать, – покорно склонил голову Семен. – Кстати, Непийпиво тоже собирается одарить своих избирателей водкой собственного разлива.

– Да разве у него водка! – перешел на крик Базаров. – Стопроцентный самопал из технического спирта. А я настоящий продукт раздам, «Пшеничную», десятилетней выдержки. У меня на складе еще с тех времен сохранилась.

– А не траванете вы своих избирателей несвежей водкой? Это коньяк от выдержки лучше становится, а водка, мне кажется, того...

– Много ты понимаешь, – выпучив глаза, продолжал орать Базаров. – Я этой водкой уже пять лет с грузчиками рассчитываюсь за работу, и еще не было случая, чтобы кто-нибудь из них подох. Идет за милую душу, а в прошлом году я этим напитком богов наших ветеранов угощал в День Победы. Только двое померли, а остальные благодарили меня от всей души.

– Но ведь два человека все же умерли, – не отставал Семен Водкин.

– Да эти ветераны выжрали по целой бутылке на халяву. Тебя сейчас заставь без закуски по литру внутрь принять, что будет? То-то, а ты еще относительно молод. И вообще, сняли эту тему. Следующая позиция. Берешь на себя Ковбасу и делаешь все возможное для того, чтобы он от «партии лысых воров» прошел в Верховный Совет Крыма.

– Он же собирался в мэры? – попытался возразить Семен Водкин. Метаморфозы в поведении Базарова его удивили.

– До главного кресла он еще не созрел, – покачал головой Базаров. – Перед тем, как открывать зеленый светофор, колбасника надо крепко-накрепко привязать ко мне.

– А ядовитой колбасы вам мало? – не отставал настырный Семен. – За пятьсот баксов его телевизионщики в лагерную пыль сотрут.

– Он отмажется, – недовольно скривился Базаров. – Я консультировался с прокурором. Под раздачу попадет технолог и санитарный врач. Ковбаса выйдет сухим из воды, потому что не специалист в колбасных делах, доверился преступникам. Максимум, что ему можно предъявить сегодня – только халатность. Это не та статья, по которой сейчас сажают в Крыму. Он должен заглотнуть настоящий крючок, такой, с которого бы не соскочил до самой смерти, и только тогда я дам добро на его продвижение вверх. Ты меня хорошо понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.